

ФИЛОСОФИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

МАРГАРИТА СИЛАНТЬЕВА
ВЛАДИМИР ГЛАГОЛЕВ
МГИМО МИД России, Москва, Россия

БОРИС ТАРАСОВ
Литературный институт имени А.М. Горького, Москва, Россия

Резюме

Статья посвящена изучению причин и следствий «культурологического поворота» в современной теории международных отношений. Рассмотрение политических организмов как «культур», с одной стороны, акцентирует внимание учёных и практиков на довольно туманном термине, который к тому же имеет множество интерпретаций. С другой – понятие «культура» схватывает важные, хотя и неочевидные, моменты динамики взаимодействия субъектов международных отношений. Высветить такие моменты, изучив возможности и границы использования категории «культура» в анализе международных процессов, помогает логико-философская призма анализа. Она позволяет подойти к пониманию конкретных социальных общностей – субъектов международных отношений, интерпретируя их как различные способы смыслополагания (то есть формы описания идеальных объектов и ценностей в конкретном языке и материальной деятельности его носителей). Реконструкция смысловых каркасов неизбежно приводит к сравнению различных культур. Последнее, в свою очередь, невозможно без рассмотрения самого процесса их взаимодействия – межкультурной коммуникации. Здесь, несмотря на наличие обширной исследовательской литературы, детально освещающей богатый эмпирический материал, наблюдается дефицит работающих обобщений. Настоящее исследование призвано восполнить теоретические лакуны в изучении межкультурной коммуникации. При этом делается упор на такой аспект коммуникации, как диалоговое общение.

Цель статьи – анализ межкультурной коммуникации в качестве исходного материала для оптимизации договорного процесса в сфере международных отношений сквозь призму категорий и подходов философии культуры. Речь идёт о выработке обобщающих моделей, позволяющих проводить компаративный анализ разнородного материала с учётом методологических ограничений, существующих для подобного сопоставления. Достижению поставленной цели способствует решение ряда задач. Во-первых, необходимо уточнить трактовку межкультурной коммуникации с логико-философских позиций. Во-вторых, определить формальные условия «синтеза ценностей», ведущего к оптимизации договорного процесса. В-третьих, обосновать связь «культурных кодов» и лингвокультурных каркасов на материале ценностных и поведенческих моделей, характерных для представителей различных культур. Новизна предложенного подхода состоит в дальнейшей разработке современной версии *теории понимания*, которая не противоречила бы задаче поиска взаимоприемлемых интерпретаций, но вместе с тем не теряла из поля зрения необходимость формировать общее поле аргументации. В конечном счёте предлагается рассмотреть становление в научном сообществе новой теоретической модели, описывающей динамику международных процессов на основе выделения логико-философского каркаса таких исследований.

Ключевые слова:

межкультурная коммуникация; международные отношения; смысловые доминанты; «новое смыслополагание»; культура как универсальный интегратор.

Изучение международных процессов рано или поздно выходит на необходимость прояснить теоретико-методологические вопросы, связанные с местом в них культуры и межкультурной коммуникации. С одной стороны, это обусловлено бытованием в лексиконе профессионалов расширительной трактовки понятия «культура», которое в современном прочтении часто совпадает с понятием «политический организм». При таком словоупотреблении культура представляется не просто как ещё один синоним по отношению к словам «страна» и «государство». Её использование имплицитно указывает на динамический подход к оценке тенденций развития политического процесса, поскольку в актуальном философско-культурологическом толковании она выступает в качестве комплексного интегратора «сложного общества», объединяя различные по своему генезису и направленности способы организации социального целого на макроуровне [Концептуализация международных отношений: 2012; Алексеева 2012: 130–147; Федотова 2016: 301–318]. С другой стороны, смысловые коннотации, сопутствующие использованию в речи международника понятия «культура», неизбежно подводит к мысли об устремлённости к претворению в жизнь позитивных сценариев международного взаимодействия. «Культурный» способ ведения переговорного процесса сегодня может толковаться и «от обратного» — исходя из «слабости культуры переговорного процесса» [Тэвдой-Бурмули 2013:106]. Подобная культура — вершина профессионализма дипломата, способного вести хорошо организованный конструктивный диалог, предполагающий уважительное отношение ко всем его участникам и максимальную корректность в выборе методов решения поставленных задач.

Особое место в международных процессах сегодня занимает культурная дипломатия (как часть публичной дипломатии), а также феномен, которому соответствует более узкое понятие «дипломатия в сфере культуры» [Фокин 2004: 116–121]. Эти

понятия исследователи часто соотносят с понятием «мягкая сила», однако между ними имеется различие: культурная дипломатия предполагает не только интенсивное продвижение своих ценностей за рубежом (в том числе и средствами дипломатии в сфере культуры — например, культурных обменов), но и неутилитарное внимание к ценностям контрагентов для развития «интерактивного диалога», предполагающего синтез ценностей [Зонова 2012].

Теоретически чёткий и прагматически ответственный анализ специфики того типа взаимодействия, который свойствен этим важным звеньям деятельности в сфере международных отношений, на основе уточнения терминологических нюансов и методологических подходов философско-культурологического уровня способствует оптимизации как исследовательских программ, так и практической (особенно педагогической) работы [Торкунов 2012: 85–93; Шестопал, Силантьева 2014: 36–41].

1

Философский подход к межкультурной коммуникации предполагает не только анализ связанных с ней феноменов, но и ответ на вопрос о том, что она представляет собой сущностно. При всех различиях в философских школах и подходах неизменным её кредо остаётся интерес к «началам», к тому, что детерминирует то или иное явление. При этом в некоторых контекстах сама культура выступает как «универсум коммуникации» [Sadowski et al 2012: 323].

Наивное очерчивание границ процесса «именем, фиксирующим проблемное поле» [Лукман, Тягунова 2007: 4] — тот стартовый момент, с которого начинается философия и в который она, собственно, и упирается. Слово дает жизнь познанию как встречному реальности процессу, встроенному вместе с тем в эту реальность, активно в неё вторгающемуся. Граница, разделяющая вещи и «естественный разум», подобна стеклу: мутное или прозрачное,

оно не позволяет сделать шаг в «зазеркалье». И одновременно не запрещает стремиться к этому.

Выстраивание (или все-таки выявление?) слоёв понимания смысла в конечном счёте структурирует ту действительность, которая выхвачена из темноты, озарена словом. В этой связи философия всегда погружение в загадку. Не случайно Аристотель полагает, что начало философии – удивление [Аристотель 2006: 35]. Время предлагает лекала возможных интерпретаций этой загадки, придавая словам тот реальный вес, который этому времени пропорционален. Однако «удельный вес» слова не является производным от времени. Слово, если оно живёт (то есть его, это слово, может кто-то понять), исходит не только из собственной историчности. Есть и другое начало, в каком-то смысле вневременное, хотя и проявляется только во времени. Столь распространённая сегодня апелляция к традиционным ценностям – один из наиболее заметных способов для участников международных процессов заявить о наличии у каждого из них своих ключей от царства вечных ценностей. Философский рационализм, который не случайно принято называть горьким, настаивает на (в равной мере) необходимом и вместе с тем принципиально негарантированном характере приближения сознания человека к этим началам. С этой точки зрения ключи есть у всех; не у каждого есть возможность ими воспользоваться.

Загадка межкультурной коммуникации, таким образом, начинает заявлять о себе уже тогда, когда ставится простой вопрос о сходстве (или несходстве) культур как социальных целостностей и возможности их отношения друг к другу в свете «третьей реальности» – общего смыслового пространства. При этом степень конвенциональности в процессе его формирования не так уж важна – любая достигнутая договорённость уже предполагает выработку более-менее твёрдого фундамента общения, поиск общего языка [Глаголев 2015: 10–12]. Другое дело – жизнеспособность получен-

ного таким образом «культурного континуума». Впрочем, одна из сверхзадач дипломатической работы – обеспечение каждодневными усилиями его максимальной эффективности (или, как минимум, поддержание его рабочего состояния).

Позитивизм (философия науки, в формулировке своего основателя О. Конта признающая настоящим знанием только строгое описание наблюдаемых явлений), совмещённый с философией жизни (учением о бесконечном и бесцельном становлении мира) в оригинальном для своей эпохи учении Н.Я. Данилевского, открыл: настолько, насколько культуры самобытны, они непрозрачны друг для друга [Данилевский 2002; Шпенглер 1993]. Значит, их общение – фикция? Согласно жёсткой формулировке современного компаративизма, представители разных культур вообще никогда не могут понимать друг друга так, как если бы они происходили из лона одной культуры. Правда, тогда не очень понятно, как они вообще могут договариваться [Силантьева 2014: 235–239]? И чем проблема коммуникации культур отличается от проблемы коммуникации людей, которые в рамках одной языковой культуры и даже одной семьи далеко не всегда понимают друг друга?

Отсюда следующий шаг, сделанный философией уже в XX веке: если нет понимания, остаются только интерпретации и борьба между ними [Рикёр 2008; Гирц 2004], нейтрализующие противоречивость символа «путём обмена взаимодополнительными ценностями» [Рикёр 2008: 106; Леви-Строс 2001: 215–216, 241, 309, 355]. Столкновение интерпретаций – позиция, позволяющая на основании сопоставления зеркальных отражений друг друга попытаться более чётко обозначить зоны взаимных нестыковок. С одной стороны, это – шаг в сторону от признания «онтологии смысла», дезавуирующий его доступность (то есть универсальность и, как следствие, возможную переводимость на языки различных культур). Данная точка зрения несёт в себе зерно утончённого скептицизма, не просто софистически ре-

лативизирующего истину, но фактически основанного на нигилистическом признании её смерти.

С другой стороны, даже в постметафизическом нигилизме призрак истины всё же прячется в одном из контекстов: поскольку о ней всё-таки можно говорить, партнёрам по коммуникации предлагается перейти от своих умозрительных локальных истин-конструкций (не столько онтологических, сколько онтологизирующих свои представления и подающих их как ценности) к осознанию их принципиальной недостаточности по отношению к полноте бытия. Истина выступает в виде дистанцирования от практики нерerefлективной концептуализации — в пользу наращивания анализа дискурсивных практик (в рамках культурологического поворота в эпистемологии, отчётливо обозначившегося ещё в трудах Л.С. Выготского [Алексеева 2012: 130–147; Мамчур 2004: 160–161, 179–189]). Таким образом, ценой отказа от гносеологического оптимизма, утверждающего возможность существования позитивной модели знания в области «начал» (метафизика, «исправленная» наукой), обосновывается новый эпистемологически сбалансированный подход, выводящий сознание к открытию некоторых экзистенциально-познавательных усилий, не претендующих на попадание в смысл, но генерирующих движение смыслополагания [Смирнов 2014: 35–57].

2

Наука XX века встала на путь осторожного позитивного знания о коммуникации культур [Коннов 2012: 242–249]. Знания, не берущего на себя неблагодарный труд — говорить об истине в последней инстанции (то есть о метафизических основаниях) так, как если бы они могли стать материалом научного анализа. Этот подход позволил предельно упростить отношение к проблеме межкультурной коммуникации. Если коммуникация — это не столько общение, сколько взаимодействие, транзакция; её подлинный смысл — не в понимании или интерпретации, а в делах, тогда любое сле-

данное вместе дело — показатель эффективной коммуникации. Следовательно, коммуникаторы должны уметь грамотно кодировать и декодировать информацию; адресант и адресат заняты соответственно отправлением, получением и переработкой некоторой суммы сведений, необходимых для решения практических задач.

Подобное заземление темы межкультурного взаимодействия обеспечило верифицируемость суждений в этой области, тем самым исключив из научного знания неудобные вопросы о ценностях, смысле жизни и прочих неverified вещах. И хотя «информация и коммуникация тесно связаны между собой», онтологизация информации в соответствующих социальнo-философских теориях не имеет под собой действительной почвы [Robillard 2006: 245]. Технологии, основанные на данной теоретической модели коммуникации, достигли в XX и XXI веках небывалой высоты, создав новые каналы взаимодействия и радикально изменив старые: от радио и телевидения до летательных аппаратов. Они трансформировали саму повседневность, изменили сознание, структуру общества, затронули психофизиологию и мораль [Маклюэн 2007].

Под влиянием событий в сфере коммуникаций, связанных с научно-технической и информационной революцией, в общественном сознании произошли системные преобразования глобального характера [Терин 2013: 24–26]. Меняется, если обратиться к выражению О. Шпенглера, время и пространство культуры, её динамически пересоздаваемая ткань. Отсюда — обращение современных философов культуры к математике [Кнежевић 2016] и лингвистике [Веденина 1978: 74–78; Гуревич 2008: 26–32] — тем способам, которыми культура кодифицирует наиболее значимые способы интерпретации пространственно-временных отношений, свойственных её типу мышления (если под последним понимать интеллектуальное освоение мира). При этом многие изменения связаны сегодня с возвращением к стратегиям, некогда отброшенным культурой или, по крайней

мере, не являющимся сегодня магистральными (такова, например, архаизация) [Силантьева 2013б: 150–151].

Теория коммуникации Н. Лумана и во все настаивает на необходимости рассматривать коммуникацию как самодостаточную реальность — замкнутый цикл самовоспроизведения (аутопойэсиса) социальной системы, где в одно целое связаны ««информация», «сообщение» и «понимание»» [Луман 1995: 124]. В этом контексте современная ситуация рассматривается как время, когда «больше нет интегрируемых знаний о психических и социальных системах» [Луман 1995: 114]. Российские авторы, напротив, подчёркивают, что через идею коммуникации философия XX века пыталась вернуться к понятию субъективности [Назарчук 2011: 157–165]. Одновременно с этим философия коммуникации возвращается к герменевтическому подходу [Василик 2003]. При этом свойственная теории коммуникации универсальная применимость понятий, их деиндивидуализация [Гапонова 2014: 12–16] — залог возможности договориться [Николаева 2004]. Иными словами, от «единичного» (субъекта) вновь приходится возвращаться к «общему» (интерсубъективности).

Линейное мышление, господствовавшее в условиях евроцентрической цивилизации в качестве общепринятого стандарта, опиралось на авраамический метанарратив — новоевропейские трактовки пространства, разработанные древнегреческой математикой, и позднеэллинистическое понимание времени, развитое в учении Августина. Сегодня эти метакоординаты культуры вытесняются альтернативными трактовками пространства и времени, релятивизировавшими их. Новые стратегии смыслополагания опираются на модель динамики нелинейных связей, ризомность (несистемную сложность по типу «клубня»-ризомы) и деконструкцию бинарного подхода, следствием чего является утверждение принципа плюральности. В теории международных отношений этот ход мысли выражается в торжестве идеи многополярности —

основанной на должествовании концепции [Глаголев 2012: 216–219], признанной сегодня одной из самых перспективных и вместе с тем реалистичных [Торкунов 2012: 84, 85].

Э

Теория динамики нелинейных связей, применённая в области социогуманитарного знания, связана не только с пересмотром представлений о структуре и функциях культуры. Одним из ключевых её параметров выступает характеристика процесса изменений, соответствующая в традиционной философской лексике понятию «движение». Очень быстрое движение приближается к покою [Бибихин 2010] — на память приходят картины А. Лабаса, изображающие пассажира в скоростном транспорте. Условная «линия» перемещения для субъективного чувства пассажира здесь ничем не отличается от точки. Визуальный поворот, раскрывший потенциал иероглифических культур [Гуревич 2006; Изотова 2012], принадлежит к этой же линии трансформации, перенаправляющей потоки мышления из линейного формата в формат нелинейный.

Описанные процессы не поддаются учёту и контролю сциентистской статистики. Они остаются в области слов, недоступных однозначному измерению. В то же время без таких слов, без строго произведённого уточнения любое точное вычисление будет упираться в сбой, связанные с некорректно операционализированными понятиями; либо в парадоксы, диктуемые встречей с понятиями, не поддающимися прямой операционализации. Просто выбросить их из расчёта не всегда бывает удобно, поскольку пренебрежение метафизикой такого рода нередко влечёт разрушение плоти культуры. Ещё И. Кант обосновал ненаучный характер таких идей, как «Бог», «мир» и «душа». Он же показал разрушительные последствия даже частичной их утраты даже для науки. Что говорить об этике, в которой, как утверждал Кант, «идеи чистого разума» носят не только регулятивный, но и конститутивный характер.

Внеэмпирический смысл, заключённый в этих идеях, оказывается столь существенным для культуры ещё и потому, что они обслуживают смысложизненные амбиции человека. Их утрата, даже если она способствует повышению точности некоторых оценок, может оказаться фатальной для человеческого способа существования — культуры. С этой точки зрения философия коммуникации, даже несмотря на молчание экзистенциализма (Т.А. Кузьмина), не умерла. По крайней мере, до тех пор, пока имеет место коммуникативное событие [Arnett 2010: 57–62].

Культура связана со смыслополаганием. «Логос», «разумное слово», означает в древнегреческом языке также «смысл». Этимологически «логос» восходит к счёту, исчислению. Есть среди его значений такие, как «отчёт», «разум» и «закон». Не случайно во многих европейских языках совпадают значения понятий «мыслить» и «считать». Считать (то есть отчётливо и ответственно полагать) можно тогда, когда понимаешь, что надо считать. Иначе можно получить совершенно фантастические результаты, негодные даже для качественной симуляции. Кризис scientistic модели знания, о котором так много говорили философы XX века, вернул в аналитику вопрос о ценностях. Сегодня настало время вернуть ей вопрос о смысле. Разумеется, поставленный с максимальной корректностью и ответственностью [Силантьева 2013а: 14–17; Афанасьева 2014: 270–272].

Одним из перспективных путей обращения к этой теме может выступить теория А.В. Смирнова о коллективном когнитивном бессознательном [Смирнов 2017: 9, 11] — закреплённом в языке способе мыслить, свойственном конкретному типу культуры. Именно поэтому изучение процессов в области международных отношений невозможно начинать, не обратившись к вопросу о специфике её языка и транслируемых им способов познания. Нельзя не согласиться А.В. Смирновым:

изнутри, вне процесса межкультурной коммуникации, культура знает о самой себе меньше, чем извне, занявшись переводом (никогда!) не соизмеримых полностью значений свойственных ей языковых выражений. Это по-новому осмысленное открытие Р. Киплинга, воскликнувшего: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, / И с Мест они не сойдут»¹, — заставляет задуматься и о том, как в принципе возможен перевод? Ведь культурно-историческая обусловленность имеет место практически всегда, за исключением, пожалуй, тех случаев, когда «семантические примитивы» прямо именуют то или иное простое действие наиболее простым способом. Вместе с тем такое именование минимально информативно. Можно возразить: критерием точности перевода является не семантическая эквивалентность как таковая, а соответствие переводимого и переведённого третьему агенту — действительности. Однако философия, говоря о параллелях сознания и вещей, давно показала, что соответствие знания реальности — аналогия, которая, как минимум, не всегда легко проверяется действием (остающимся к тому же внекогнитивным феноменом).

Отдельный вопрос, как такая проверка действительностью мыслится в случаях, когда эксперимент невозможен в принципе. Например, в ситуациях, требующих аналитического расчёта возможного будущего, и особенно в свете применимости таких расчётов к международным процессам. В частности, изучение тенденций миграционного законодательства не может обойтись без выяснения смысловых доминант как принимающего общества, так и самих миграционных сообществ. Именно эти смыслы (точнее, их соизмеримость либо отсутствие таковой) создают поле манёвра, легитимируя одни формы поведения и маргинализируя (или даже криминализируя) другие. В то же время поле манёвра — это не просто смысл, это — осмысленное действие, практика.

¹«Баллада о Востоке и Западе», перевод Е.Г. Полонской.

Напомним: в упомянутой балладе Киплинга речь идёт о том, что не слова, а общие ценности – любовь, мужество и честь (точнее – основанные на них поступки), – объединяют представителей разных народов и культур.

4

Ещё один пример экспериментально не проверяемых случаев – изучение процессов в сфере образования, представляющего собой традиционный способ трансляции культурного наследия. Международный статус, требуемый сегодня от ведущих вузов нашей страны, предполагает соответствие ряда наиболее фундаментальных ценностей, признанных таковыми в отечественной культуре, новым стандартам обучения. Подобное соответствие не обязательно должно быть полным и окончательным. Тем не менее там, где его вовсе нет, от образовательных структур потребуются либо в корне менять ментальность целой страны (что вряд ли возможно), либо перестроить новые образовательные стандарты с учётом адаптации к наличным социокультурным условиям. Если этого не сделать, на выходе при оказании образовательных услуг обществу обретёт не крепких профессионалов, а сговорчивых конформистов, не готовых действовать ни на благо самим себе, ни на благо своей страны. В этой связи вопрос о роли философии в современном образовании – это в первую очередь вопрос о реализации задачи формирования знаний, навыков и умений целеполагания и соответствующего ему перспективного планирования, вписанных в контекст знания «Другого». То есть – с учетом специфики партнёрских взаимоотношений. Не случайно в такой динамично развивающейся стране, как Китай, философия занимает одно из ведущих мест в структуре высшего образования, составляя каркас не только идеологически выверенных, но и содержательно проработанных методов обработки знаний, обеспечивающих направленность сознания на поиск методологически релевантных подходов к решению практических задач.

Философия – это вторая производная любого языка, по сути – метаязык. В каком-то смысле он универсален, поскольку реконструирует смыслы, а не способы их репрезентации в лингвокультуре как таковые (разумеется, в том числе на основании рефлексии над такими способами). С другой стороны, для философии принципиально важно сохранение ядерного смысла языковых слов и выражений, свойственных тому языку, на котором говорит и пишет философ. Нет ничего более антифилософского, чем то, что М. Хайдеггер называл «болтовня», а российские литературоведы характеризуют как «птичий язык». Философия – метаязык в том понимании, что он ставит задачей подойти к сущности как таковой. С этой точки зрения философские абстракции – это такие эссенции, которые концентрируют не смысл как таковой, а усилие понимания. Философские абстракции – не пустые, а полные.

В этой связи философия может говорить на любом языке: о том, к чему она стремится, ей приходится не столько говорить, сколько молчать в силу невыразимости чистой сущности иными средствами, нежели всё тот же язык, от которого стремятся оторваться. Как следствие, философия, как дипломатия и медицина, – не менее искусство, чем наука. В то же время философия всегда предполагала выход из «чёрной дыры эгоцентризма» (Н.А. Бердяев) индивидуального сознания, выводя сущности явлений в сферу коммуникации. Язык даёт такую возможность уже по факту своей интерперсональности.

В то же время коммуникация предполагает, что коммуницируют люди, личности, одушевлённые существа. Сообщаться могут точки в пространстве, приборы и даже вода в сосудах; общаться – только люди. Отсюда – важнейшее значение темы человека, то есть исследований философской антропологии; а также усиление в культурно-релятивной эпистемологии роли биографического метода и других (в том числе качественных) методов «неклассической» науки.

Революция в области коммуникаций, произошедшая в последние пятьдесят лет, нашла разнообразное преломление в различных культурных средах. Налагаясь на локальные стратегии, коммуникативные технологии создают уникальные типы перепрограммирования самого человека. В этой связи наше постчеловеческое будущее, вопреки прогнозам [Фукуяма 2004], лишь отчасти захвачено тенденцией унификации. Скорее, имеет место суперпозиция, удерживающая глобальные тренды в сложном балансе с локальными представлениями о месте, времени и судьбе своей национальной культуры. Подобное удержание осуществляется через язык, традиции и обычаи, религиозные верования [Плаголев 2014: 362–365]. При этом обнаруживается довольно неожиданный и сегодня почти забытый в полемическом запале аспект той роли, которую эта внешняя унификация играет в процессе межкультурной коммуникации. Выступая зачастую фактором, разрушающим национально-культурную самобытность (выраженную в том числе в языке и мышлении), тенденция унификации вместе с тем создаёт ту общность социокультурного пространства, переживание которой роднит людей, представляющих собой абсолютно уникальные культурные локусы. Помимо радости и боли, любви и сострадания к антропологическим константам современная культура добавила переживание своей роли при взаимодействии с техникой, цифровыми технологиями и созданными на их базе устройствами. Эти бытовые черты повседневности, сближающие многие страны и народы на уровне чувственного приятия или неприятия новых феноменов коммуникативного пространства, дают межкультурной коммуникации новые точки соприкосновения, способные повлиять на международные процессы прогнозируемым путём.

Аналитика данной области, развёрнутая в разных ракурсах, также нуждается в философском анализе происходящего, позволяющем на сущностном уровне раскрыть наиболее фундаментальные тренды нового

смыслополагания. Проблема, поставленная в начале данной статьи, в этом случае приобретает следующее решение: для повышения эффективности профессиональной работы международного работника в сфере межкультурной коммуникации необходим системный мониторинг обновлений смыслового и ценностного каркаса тех культур, которые вступают в интерактивный диалог. Как минимум, это требует постоянного расширения кругозора. Не уйти и от регулярного анализа новых феноменов культуры повседневности, системного изучения экономической, политической, правовой и художественной культуры (в широком диапазоне – от фольклорных материалов до арт-хауса), в том числе с точки зрения средств их выражения в языке.

Всё это возможно только при наличии аналогичных навыков, усвоенных на материале материнской культуры, а также своевременном формировании компетентности в области анализа культурной аксиоматики. В частности, с помощью методов философии культуры, ориентированной на компаративный анализ сущности происходящих процессов во всей их глубине, многосторонности и своеобразии. Данный ракурс преподавания философии востребован сегодня в учебном процессе МГИМО и других передовых вузов России и зарубежья. Полагаем, что с дальнейшим развитием практики международных отношений востребованность философии культуры для вузов международного профиля будет только усиливаться.

* * *

Анализ темы возвращения в аналитику международных процессов вопроса о смысле, дополняющем и уточняющем уже состоявшееся возвращение в это поле вопроса о ценностях, требует обращения к философской компаративистике как методу философии культуры. Главенствующее значение при этом имеют не только оригинальные исследования языковых и деятельностных аспектов тех процессов, которые протекают в рамках социокультурного пространства. Не менее важно системное

сопоставление полученных результатов в виде компаративной аналитики международных процессов сквозь призму межкультурной коммуникации. Это позволяет не только научно и обоснованно реконструировать смысловые доминанты, определяющие уникальное содержание данной культуры, но и уловить раскрытие здесь ядра универсального. Более развёрнутое введение в учебный процесс разумного количества философских терминов (и освоения соответствующего им содержания), фиксирующих различные аспекты межкультурной коммуникации, в свете сказанного представляет собой условие формирования той профессиональной компетентности, о которой шла речь при постановке проблемы данной статьи. В числе таких терминов – философская компаративистика, смыслополагание, аксиологический фундамент культуры. Изучение их практического наполнения сквозь призму коммуникативных стратегий позволит вывести специальные навыки международников на новый уровень.

Описанный выше способ аналитической работы не является чем-то надуманным. Любой аналитик в области международных процессов сегодня вынужден обращаться к подобной схеме. Из этого, впрочем, не следует, что рефлексия по данному поводу является чем-то факультативным: из того, что люди мыслят в основном логично, не следует избыточность логики как науки. Подобным образом эмпирическая включённость в межкультурную коммуникацию, предполагающая необходимое владение соответствующими компетенциями, не отменяет, а, наоборот, требует рефлексии по поводу путей осуществления осознанной деятельности в сфере международных отношений. То есть той аналитики, которая является краеугольным камнем всесторонне обоснованного решения перспективных задач, чьё наличие составляет основу межкультурного взаимодействия и вместе с тем делает его до предела неоднозначным с точки зрения следствий принятия тех или иных решений.

Список литературы

- Алексеева Т.А. Стратегическая культура: эволюция концепции // Полис. 2012. №5. С. 130–147.
- Алексеева Т.А., Мальгин А.В., Никитина Ю.А., Олейнов А.Г., Судаков С.С. Концептуализация международных отношений // Современные международные отношения / Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2012. 688 с.
- Аристотель. Метафизика / Пер. с греч. П.Д. Перлова и В.В. Розанова. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 232 с.
- Афанасьева Н.Д. Школа преподавания русского языка для иностранных учащихся // Вестник МГИМО–Университета. 2014. № 5 (38). С. 270–272.
- Бибихин В.В. Энергия. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 690 с.
- Василик М.А. Основы теории коммуникации. М.: Гардарики, 2003. 615 с.
- Веденина Л.Г. Функциональное направление в современном зарубежном языкознании // Вопросы языкознания. 1978. № 6. С. 74–78.
- Гапонова Н.А. Понятие коммуникации в философии // Вестник Шадринского государственного педагогического института. 2014. № 3. С. 12–16.
- Гирц К. Интерпретация культур. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 560 с.
- Глаголев В.С. Вербально–понятийные аспекты методологического дискурса VII Конвента РАМИ // Вестник МГИМО–Университета. 2012. № 6 (27). С. 216–219.
- Глаголев В.С. Нематериальные факторы в международных отношениях // Современная наука о международных отношениях за рубежом / Под общ. ред. И.С. Иванова. М.: РСМД, 2015. С. 10–18.
- Глаголев В.С. Религиозно–этическое наполнение образов «свой» и «чужой» в динамике политической конъюнктуры // Диалог культур и партнерство цивилизаций. СПб.: СПбГУП, 2014. С. 362–365.
- Гуревич Т.М. Лингвокультурологический анализ концептосферы человек в японской языковой картине мира: Автореф. дисс. ... д-ра культурологии. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ). М., 2006. 44 с.

- Гуревич Т.М. Японская грамматика как зеркало национального менталитета // Россия и Запад: диалог культур. 2008. № 2. С. 26–32.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: ИЦ «Древнее и современное», 2002. 550 с.
- Зонова Т.В. Публичная дипломатия и её акторы / Российский совет по международным делам. 2012. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=681#top-content
- Изотова Н.Н. Своеобразие концепта «счастье» в японской лингвокультуре: Дисс. ... канд. культурологии. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. 2012. 211 с.
- Кнежевић В. Математика у Платоновој филозофији. Београд: Српско филозофско друштво, 2016. 267 с.
- Коннов В.И. Влияние культурного контекста на развитие науки в России: социально-психологический взгляд // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6 (27). С. 242–249.
- Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
- Лукман Т., Тягунова Т. Аспекты теории социальной коммуникации // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 3. С. 3–20.
- Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 114–125.
- Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2007. 464 с.
- Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм: (К дискуссиям в современной эпистемологии). М.: ИФ РАН, 2004. 242 с.
- Назарчук А.В. Теория коммуникации и новые философские понятия XX века // Вопросы философии. 2011. № 5. С. 157–165.
- Николаева Ж.В. Основы теории коммуникации. Улан-Удэ: ВСГТУ, 2004. 274 с.
- Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. М.: Академический проект, 2008. 695 с.
- Силантьева М.В. Межкультурный диалог – основа плодотворного взаимодействия в системе международного партнёрства // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2013а. Т. 2. № 5 (6). С. 14–17.
- Силантьева М.В. Человек: мифы и реальность // Вестник МГИМО-Университета. 2013б. № 3 (30). С. 150–151.
- Силантьева М.В. Проблема культурных границ в современном мире: ценностный аспект // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 235–239.
- Смирнов А.В. Сознание как смыслополагание // Философский журнал. 2014. № 1 (12). С. 35–57.
- Смирнов А.В. Философия всегда должна быть недовольна // НГ-Наука. 2017. 8 февр.
- Терин В.П. Кто кого? – или одновременность и последовательность как проблема межкультурной коммуникации в электронном окружении // Медиа. Информация. Коммуникация. 2013. № 5. С. 24–26.
- Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4. С. 85–93.
- Тэвдой-Бурмули А.И. «Велосипедист на болоте»: уроки и перспективы расширения ЕС в XXI в. // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4 (31). С. 106–112.
- Федотова В.Г. Модернизация и культура. М.: Прогресс-Традиция, 2016. 336 с.
- Фокин В.И. Формирование содержания понятий «внешняя культурная политика» и «культурная дипломатия» в международной деятельности современных государств // Вестник СПбГУ. Серия 6. 2004. Вып. 2. С. 116–121.
- Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ; Люкс, 2004. 352 с.
- Шестопал А.В., Силантьева М.В. Проблемы культуры в системе подготовки специалистов-международников // Актуальные вопросы подготовки специалистов международного профиля: смена парадигм: Материалы научной конференции / Ред. коллегия: Е.В. Воевода, Л.П. Костинова, Л.К. Раицкая, Л.С. Пичкова, М.В. Силантьева, М.В. Тимченко, А.В. Штанов. М.: МГИМО, 2014. С. 36–41.
- Шпенглер О. Закат Европы. М.: Наука, 1993. 592 с.
- Arnett R.C. Defining Philosophy of Communication: Difference and Identity // Qualitative Research Reports in Communication. 2010. Vol. 11. No. 1. P. 57–62.
- Robillard J. Philosophy of communication: what does it have to do with philosophy of social sciences // Cosmos and History: The Journal of Natural and Social Philosophy. 2006. Vol. 1. No. 2. P. 245–260.
- Sadowski J. et al. Historia kulturowa – schyłek czy nowa odłoga? // Studia Religioznika. 2013. Vol. 2012. No. 4. P. 323–326.

PHILOSOPHY OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

MARGARITA SILANTIEVA
VLADIMIR GLAGOLEV

MGIMO University, Moscow, 119454, Russian Federation

BORIS TARASOV

Maxim Gorky Literature Institute Tverskoy bul., 25, Moscow, 123104, Russian Federation

Abstract

The article deals with causes and effects of a “cultural turn” in modern theory of international relations. Approach to political organisms as cultures concentrates attention of scholars and practitioners alike on what seems to be a rather vague term, which is subject to various interpretations. However, the notion of “culture” comprises important, although unobvious moments of interaction dynamics among parties to international relations. Logical and philosophical view promotes to disclosing such moments after studying potential and limits of the category of “culture” in its application to the analysis of international processes. This perspective enables approach to understanding certain social communities/international relations subjects through interpreting them as various “conceptualization methods” (i.e. description forms of ideal objects and values in a certain language and its speakers’ material activities). Reconstruction of texts inevitably leads to cultural comparisons. This in turn is impossible without studying of intercultural communications. Lack of operational generalizations in this field is remarkable though many publications describe in details vast empiric material. The current article strives to fill theoretical gaps in intercultural communications study. Special emphasis is placed on such issue as dialogue communication.

Purpose of the article is analysis of intercultural communications through categories and approaches imported from philosophy of culture as a foundation for optimization of negotiating process in international relations. It discusses formation of general patterns enabling comparative analysis of diverse materials with due consideration to methodological limitations for such comparisons. A range of solutions enables to achieve stated objectives. First, representation of intercultural communication is to be clarified from logical and philosophical point of view. Second, “values synthesis” of formal conditions enabling negotiating process optimization are to be determined. Third, connection between “cultural codes” and linguocultural frames is to be proved based on axiological and behavioral patterns typical for various cultures representatives. The novelty of the suggested approach is development of a theory of understanding modern version, not contradicting search of mutually acceptable interpretations and at the same time taking into consideration necessity to form an argument field in common. Eventually it is suggested to contemplate within academic community development of a new theoretical pattern describing international processes dynamics based on emphasizing logical and philosophical frame of such researches.

Keywords:

culture; cross-cultural communication; international relations; notional dominance; new conceptualization; universal integrator.

References

- Afnas'eva N.D. (2014). Shkola prepodavaniya russkogo yazyka dlya inostrannyh uchashchihsya [School of teaching Russian for foreign students]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. No. 5 (38). P. 270–272.
- Alekseyeva T.A. (2012). Strategicheskaya kul'tura: evoljuciya koncepciyi [Strategic culture: the evolution of the concept]. *Polis*. No. 5. P. 130–147.
- Alekseyeva T.A., Mal'gin A.V., Nikitina Yu.A., Oleynov A.G., Sudakov S.S. (2012). Konceptualizaciya mezhdunarodnyh otnosheniy [Conceptualization of international relations]. In Torkunov A.V., Mal'gin A.V. (eds) *Sovremennyye mezhdunarodnyye otnosheniya*. Moscow: Aspekt Press. 688 p.
- Aristotel. (2006). *Metafizika*. [Metaphysics]. Moscow: Institut filosofiyi, teologiyi i istoriyi sv. Fomy. 232 p.
- Arnett R.C. (2010). Defining Philosophy of Communication: Difference and Identity. *Qualitative Research Reports in Communication*. Vol. 11. No. 1. P. 57–62.

- Bibihin V.V. (2010) *Energiya*. [Energy] Moscow: Institut filosofiyi, teologiyi i istoriyi sv. Fomy. 690 p.
- Danilevskiy N.Ja. (2002). *Rossiya i Yevropa*. [Russia and Europe] Moscow: Drevneye i sovremennoye. 550 p.
- Fedotova V.G. (2016). *Modernizatsiya i kul'tura*. [Modernization and culture] – M.: Progress-Traditsiya. 336 p.
- Fokin V.I. (2004). Formirovaniye sodержaniya ponyatiy «vneshnyaya kul'turnaya politika» i "kul'turnaya diplomatiya" v mezhdunarodnoy deyatel'nosti sovremennyy gosudarstv [Formation of the content of the concepts "external cultural policy" and "cultural diplomacy" in the international activity of modern states]. *Vestnik SPbGU. Seriya 6*. No. 2. P. 116–121.
- Fukuyama F. (2004). *Nashe postchelovecheskoye buduschheye. Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyuciyi*. [Our posthuman future. Consequences of the biotechnological revolution.]. Moscow: AST, Ljuks. 352 p.
- Gaponova N.A. (2014). Ponyatiye kommunikaciyi v filosofiyi [The concept of communication in philosophy] *Iu Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. No. 3. P. 12–16.
- Geertz C. (2004). *Interpretatsiya kul'tur* [Interpretation of Cultures]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPJeN). 560 s.
- Glagolev V.S. (2012). Verbal'no–ponyatijnye aspekty metodologicheskogo diskursa VII Konventa RAMI [Verbal–conceptual aspects of the methodological discourse of the VII Convention of the RAMI]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. No. 6 (27). P. 216–219.
- Glagolev V.S. (2014). Religiozno–eticheskoye napolneniye obrazov «svoy» i «chuzhoj» v dinamike politicheskoy konyunktturnosti [Religious and ethical content of images of "one's own" and "another's" in the dynamics of political conjuncture] In *Dialog kul'tur i partnerstvo tsivilizatsij*. SPb: SPbGUP. P. 362–365.
- Glagolev V.S. (2015). Nematerial'nye faktory v mezhdunarodnyh otnosheniyah [Intangible factors in international relations]. In Ivanov I.S. (ed.) *Sovremennaya nauka o mezhdunarodnyh otnosheniyah za rubezhom*. Moscow: RIAC. P. 10–18.
- Gurevich T.M. (2006). *Lingvokul'turologicheskij analiz konceptosfery cheloveka v japonskoy yazykovoy kartine mira. Avtoreferat dissertatsiyi na soiskaniye uchenoy stepeni doktora kul'turologiyi* [Linguistic and cultural analysis of the conceptosphere of man in the Japanese picture of the world]. Moscow: Lomonosov Moscow State University. 44 p.
- Gurevich T.M. (2008). Yaponskaya grammatika kak zerkalo nacional'nogo mentaliteta [Japanese grammar as a mirror of the national mentality]. *Rossiya i Zapad: dialog kul'tur*. No. 2. P. 26–32.
- Izotova N.N. (2012). *Svoeobraziye koncepta «schastye» v yaponskoy lingvokul'ture*. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata kul'turologiyi [Specificity of the concept of "happiness" in Japanese Linguo–Culture. Ph.D. Thesis]. Moscow: Lomonosov Moscow State University. 211 p.
- Knezhvich V. (2016). *Matematika u Platonovoj filozofiji* [Math in Plato's Philosophy]. Belgrade: Srpsko filozofsko drushtvo. 267 p.
- Konnov V.I. (2012). Vliyanie kul'turnogo konteksta na razvitiye nauki v Rossii: social'no–psihologicheskij vzglyad [Influence of cultural context on the development of science in Russia: socio–psychological view]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. No. 6 (27). P. 242–249.
- Levi–Strauss C. (2001). *Strukturnaya antropologiya* [Structural anthropology]. Moscow: EKSMO–Press. 512 p.
- Luckmann T., Tyagunova T. (2007). Aspekty teorii social'noy kommunikaciyi [Aspects of the theory of social communication]. *Sociologicheskoye obozreniye*. Vol. 6. No. 3. P. 3–20.
- Luhmann N. (1995). Chto takoye kommunikatsiya? [What is communication?]. *Sociologicheskij zhurnal*. No. 3. P. 114–125.
- Maklyuyen M. (2007). *Ponimaniye media: vneshniye rasshireniya cheloveka*. [Media Understanding: External Expansions of Man]. Moscow: Kuchkovo pole. 464 p.
- Mamchur E.A. (2004). *Obyektivnost' nauki i reljativizm (K diskussiyam v sovremennoy epistemologii)*. [Objectivity of science and relativism (Discussions in modern epistemology)] Moscow: IF RAN. 242 p.
- Nazarchuk A.V. (2011). Teoriya kommunikaciyi i novyye filosofskiy ponyatiya XX veka [The theory of communication and new philosophical concepts of the twentieth century]. *Voprosy filosofiyi*. No. 5. P. 157–165.
- Nikolayeva Zh.V. (2004). *Osnovy teorii kommunikaciyi*. [Fundamentals of the theory of communication]. Ulan–Ude: VSGTU. 274 p.
- Ricoeur P. (2008). *Konflikt interpretaciy. Ocherki o germeneytike* [Conflict of interpretations. Essays on the hermeneutics]. Moscow: Akademicheskij proyekt. 695 p.
- Robillard J. (2006). Philosophy of communication: what does it have to do with philosophy of social sciences. *Cosmos and History: The Journal of Natural and Social Philosophy*. Vol. 1. No. 2. P. 245–260.
- Sadowski J. et al. (2012). Historia kulturowa–sçylek czy nowa odsłona? *Studia Religiológica*. 2013. Vol. 2012. No. 4. P. 323–326.
- Shestopal A.V., Silantjeva M.V. (2014). Problemy kul'tury v sisteme podgotovki specialistov–mezhdunarodnikov [Problems of culture in the system of training specialists in international affairs]. In

- Aktual'nyye voprosy podgotovki specialistov mezhdunarodnogo profilya: smena paradigm Materialy nauchnoy konferenciy.* Moscow: MGIMO. P. 36–41.
- Silantieva M.V. (2013a) Mezhkul'turnyi dialog – osnova plodotvornogo vzaimodeystviya v sisteme mezhdunarodnogo partnerstva [Intercultural dialogue is the basis for fruitful cooperation in the system of international partnership]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika.* Vol. 2. No. 5 (6). P. 14–17.
- Silantieva M.V. (2013b) Chelovek: mify i real'nost' [Man: Myths and Reality]. *Vestnik MGIMO Universiteta.* No. 3 (30). P. 150–151.
- Silantieva M.V. (2014). Problema kul'turnykh granic v sovremennom mire: tsennostnyy aspekt [The problem of cultural boundaries in the modern world: the value aspect]. *Vestnik MGIMO Universiteta.* No. 2 (35). P. 235–239.
- Smirnov A.V. (2014). Soznaniye kak smyslopolaganiye [Consciousness as a sense of meaning]. *Filosofskiy zhurnal.* No. 1 (12). P. 35–57.
- Smirnov A.V. (2017). Filosofiya vseгда dolzhna byt' nedovol'na [Philosophy should always be dissatisfied]. *NG–Nauka.* February 8.
- Spengler O. (1993). *Zakat Evropy.* [The decline of Europe]. Moscow: Nauka. 592 p.
- Terin V.P. (2013). Kto kogo? – ili odnovremennost' i posledovatel'nost' kak problema mezhkul'turnoy kommunikaciyi v elektronnom okruzheniyi [Who will win? – or Simultaneity and Consistency as a Problem of Intercultural Communication in the Electronic Environment]. *Media. Informatsiya. Kommunikatsiya.* No. 5. P. 24–26.
- Tjevdoj–Burmuli A.I. (2013). "Velosipedist na bolote": uroki i perspektivy rasshireniya ES v XXI v. ["Cyclist on the swamp": lessons and prospects for expanding the EU in the XXI century]. *Vestnik MGIMO–Universiteta.* No. 4 (31). P.106–112.
- Torkunov A.V. (2012). Obrazovaniye kak instrument «myagkoy sily» vo vneshney politike Rossii [Education as an instrument of "soft power" in Russia's foreign policy]. *Vestnik MGIMO–Universiteta.* No. 4. P. 85–93.
- Vasilik M.A. (2003). *Osnovy teoriiy kommunikaciyi* [Fundamentals of Communication Theory]. Moscow: Gardariki. 615 p.
- Vedenina L.G. (1978). Funkcional'noe napravleniye v sovremennom zarubezhnom yazykoznaniyi [Functional direction in modern foreign linguistics]. *Voprosy yazykoznaniya.* No. 6. P. 74–78.
- Zonova T.V. (2012). *Publichnaya diplomatiya i yeyo actori* [Public diplomacy and its actors] RIAC. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=681#top-content